

Булатъ-Молодецъ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ былъ у царя единый сынъ: Петромъ-царевичемъ звали. Только было сталъ Петръ-царевичъ въ зрѣлый возрастъ входить, померъ у него отецъ. И думаетъ Петръ-царевичъ: «прежде, чѣмъ начать царствомъ править, дай поѣду по бѣлу свѣту постранствую, посмотрю, какъ гдѣ люди живутъ?» И поручилъ онъ мудрымъ совѣтникамъ все свое царство, а самъ поѣхалъ странствовать. Долго онъ по бѣлу свѣту изъ страны въ страну ѣздилъ, вездѣ ко всему присматривался да прислушивался, набрался всякой мудрости и думалъ было домой возвращаться, да заѣхалъ по пути въ большой торговый городъ, и думаетъ: «дай-ка еще этотъ городъ осмотрю, а тамъ и домой пора». Отдалъ онъ слугамъ убрать свою лошадь;

а самъ по улицамъ походить пошелъ. Идетъ царевичъ торговой площадью—и видитъ, что на той площади чело-
вѣга кнудомъ нещадно бьютъ, а челоуѣкъ стоитъ не во-
рохнется, молчить, повѣся голову. И сталъ царевичъ спра-
шивать, за что того челоуѣка немилосердно бьютъ? Отвѣ-
чаютъ ему люди добрые: «задолжалъ онъ именитому купцу
десять тысячъ рублей да въ срокъ и не выплатилъ, за то
его и бьютъ». Сжалился надъ нимъ Петръ-царевичъ, вы-
нулъ деньги, и того челоуѣга изъ подъ кнута выкупилъ.
Чуть только успѣлъ онъ отъ того мѣста отойти, вдругъ
слышитъ, что бѣжитъ за нимъ слѣдомъ тотъ самый чело-
уѣкъ, и кричитъ ему: «спасибо тебѣ, царевичъ! За твое
добро и я тебѣ отплатить долженъ!» Посмотрѣлъ на него
царевичъ, да и говоритъ: «чѣмъ же ты отплатить мнѣ мо-
жешь?»—«А вотъ чѣмъ: ты, царевичъ, уже на возрастѣ и
жениться тебѣ давно пора, а я тебѣ въ жены достану пер-
вую въ свѣтѣ красавицу и умницу—Василису Кирбитъевну».
«Спасибо, добрый молодецъ! А какъ тебя звать?»—«Зови
меня Булатомъ-молодцемъ: я тебѣ не хуже булата вѣрой
и правдой послужу».—«А гдѣ же живетъ моя невѣста?»—
«Живетъ она за тридевять земель, въ тридесятомъ цар-
ствѣ, и отецъ ея, грозный царь Кирбитъ, собирается ее за-
мужъ за Змѣя Горынича выдать». Купилъ царевичъ Бу-
лату-молодцу коня и доспѣхъ богатырскій, и поѣхали они
вмѣстѣ въ тридесятое царство.

Приѣхали въ царство, подъѣзжаютъ къ Кирбитовымъ
палатамъ,—показываетъ царевичу Булатъ-молодецъ высокий
теремъ съ золотымъ верхомъ; и увидѣлъ царевичъ въ томъ
теремѣ, у окошечка косячатого, сидитъ дѣвица-расграса-

вица, сама слезно плачетъ. Приглянулась та дѣвица царевичу и говоритъ онъ товарищу: «пойдемъ къ царю Кирбиту, посватаемся за Василису Кирбитьевну». — «Въ умѣ-ли ты, царевичь!» отвѣчаетъ Булатъ-молодецъ; «или ты не слышалъ, что царь Кирбитъ обѣщаль свою дочь за Змѣя Горыничя выдать, а о другихъ женихахъ и слышать не хочетъ? Оттого-то вонъ дѣвица и плачетъ, словно рѣка льется. Нѣтъ! ужъ коли приглянулась тебѣ Василиса Кирбитьевна, такъ ты меня попроси: я для тебя ее изъ терема достану». — «Ахъ, Булатъ-молодецъ, коли ты мнѣ эту службу сослужишь, такъ будешь ты для меня дороже брата родного!» И точно, только что ночь наступила, подкрался Булатъ-молодецъ къ терему, взобрался вверхъ по стѣнѣ не хуже кошки, стукнулъ-брякнулъ въ окошечко-косячатое и говоритъ душѣ-красной-дѣвицѣ: «не пугайся, прекрасная царевна! Я къ тебѣ сватомъ отъ Петра-царевича присланъ — хочетъ онъ взять тебя за себя замужъ, избавить отъ Змѣя Горыничя». Обрадовалась Василиса Кирбитьевна, говоритъ Булату-молодцу: «готова за царевичемъ хоть на край свѣта идти, лишь бы отъ Змѣя Горыничя уйти». И взявъ Булатъ царевну на могучія плечи, спустился съ ней бережно внизъ по стѣнѣ терема, и привелъ къ царевичу. Посадилъ царевичъ дѣвицу на своего коня и поскакали добрые молодцы изъ Кирбитова царства во всю конскую прыть.

Присылаетъ утромъ царь Кирбитъ, и видитъ, что у терема дочери окно выбито и сама она изъ терема похищена. Сильно царь разгнѣвался и выслалъ за дочерью погоню по всѣмъ дорогамъ. И вотъ — много-ли, мало-ли ѣхали наши витязи — заслышалъ Булатъ-молодецъ погоню вдали, снялъ

съ руки перстень, спряталъ за пазуху и говоритъ жениху съ невѣстою: «поѣзжайте впередъ! Я перстень свой оброну, такъ назадъ ворочусь, перстня своего поищу». — Унимаетъ его Василиса Кирбитьевна: «хочешь, я тебѣ, вмѣсто твоего, свой перстень отдамъ». — «Никакъ нельзя, Василиса Кирбитьевна, моему-то перстню вѣдь и цѣны нѣтъ:

давала мнѣ его родная матушка, приговаривала: «носи, не теряй, меня не забывай!» Тотчасъ повернулъ коня, назадъ поскакалъ, встрѣтилъ рать-силу великую, всю притопталъ, прирубилъ, и нагналъ царевича, будто ни въ чемъ не бывалъ. Вскорѣ настигла ихъ темная ночь, раскинули они шатерь, царевну подъ шатромъ спать уложили, а сами у входа стали. И говоритъ Булатъ-молодецъ царевичу: «я теперь приусну—а ты царевну покарауль». Растянулся на землѣ, сѣдло подъ голову, и захрапѣлъ. Царевичъ стоялъ-стоялъ, утомился, присѣлъ у шатра, да и забылся сладкимъ сномъ...

Откуда ни возьмись Змѣй Горыничъ надъ тѣмъ шатромъ высоко взвился и сталъ кружить въ воздухѣ... Видитъ онъ, что спятъ добрые молодцы, спитъ и красная дѣвица, и спустился онъ на землю—однимъ крыломъ шатеръ сбиль, другимъ дѣвицу на спину подхватилъ, и понесъ ее въ свои горы желѣзныя, въ свои темныя палаты... Проснулася дѣвица, смотритъ—и видитъ: несетъ ее Змѣй Горыничъ на своемъ чешуйчатомъ хребтѣ, могучими крыльями широко машетъ, зелеными глазами на нее нѣжно смотритъ, и спускается въ свое темное ущелье, а въ ущельѣ томъ какъ жаръ горять всѣ огна въ его высокихъ хоромахъ.

Очнулись на зарѣ витязи—видятъ: шатеръ на боку и нѣтъ въ немъ Василисы Кирбитьевны. Заплакалъ царевичъ, а Булатъ и говоритъ ему: «нечисто дѣло! Твою невѣсту унесъ, видно, Змѣй Горыничъ, и плакать теперь недосугъ; поѣдемъ, авось ее розыщемъ». Долго-долго они ѣхали—наѣзжаютъ на большое стадо, и пасутъ то стадо два пастуха. Спрашиваютъ витязи: «чье это стадо?»—«Змѣя Горынича». Распросили подробно витязи: «далеко-ли Змѣй живетъ, и какъ къ нему проѣхать, и въ какое время стадо домой загоняютъ и куда его на ночь запираютъ?» Какъ рассказали имъ пастухи все по порядку, такъ витязи съ коней слѣзли, пастуховъ схватили, къ дереву на-крѣпко привязали, а сами нарядились въ ихъ платье и погнали стадо домой.

А тѣмъ временемъ Василиса Кирбитьевна въ крѣпкихъ чертогахъ Змѣя Горынича сидитъ, плачетъ, сокрушается, горючими слезами обливается. Приходитъ къ ней дѣвушка Чернавушка, говоритъ: «царевна! ты съ утра ничего не

кушала! Дай я тебѣ хоть молочка принесу—вонъ, я вижу—пастухи-то наши изъ поля стадо пригнали». Прибѣжала она потомъ къ царевнѣ съ чашкою молока, да и говоритъ ей съ усмѣшкою: «пастухи-то надъ нами насмѣхаются, озорничать стали—одинъ опустилъ въ молоко свой золотъ-перстень». Царевна выпила молоко, и видитъ, что на днѣ чашки лежитъ перстень Петра-царевича. То-то она обрадовалась! Бросилась на шею къ дѣвушкѣ-Черनावушкѣ, говоритъ ей: «милая, хорошая! приведи ко мнѣ тѣхъ пастуховъ!» Привела дѣвушка царевича съ Булатомъ-молодцомъ. Какъ увидѣла ихъ царевна, тотчасъ о слезахъ и думать позабыла, за столъ ихъ усадила, всякими яствами накормила и питьями напоила. И говоритъ ей Булатъ-моловецъ: «скажи намъ, царевна! какъ бы намъ тебя отъ Змѣя Горынича избавить?» Царевна молчитъ; а дѣвушка-Черनावушка въ бесѣду вступаетъ, говоритъ витязю: «коли вы меня отсюда увезете, съ собою въ ваше царство возьмете, такъ я скажу вамъ, какъ Змѣя извести». — «Говори, красная дѣвица! все для тебя сдѣлать готовы. — «Змѣя Горынича только тотъ убить можетъ, кто ему въ сердце мечъ по самую рукоятъ всадить; а у него, какъ разъ противъ сердца, есть подъ лѣвымъ крыломъ одно мѣсто, чешуей не покрыто, и онъ то мѣсто пуще глаза бережетъ; по землѣ ползетъ—къ землѣ прижимаетъ, по воздуху летитъ—крыломъ прикрываетъ». — «Такъ какже въ то мѣсто мечемъ-то попасть?» — спросилъ Булатъ-моловецъ. — «А вотъ какъ: ступай, добрый молодецъ, на ту тропиночку, по которой Змѣй къ рѣкѣ каждый вечеръ ходитъ, когда ночью съ охоты въ свои палаты возвращается. Вырой на той тропинкѣ яму, засядь въ нее и

выжидай того времени, когда онъ черезъ ту яму поползеть; да снизу-то и всади ему мечъ въ сердце по самую рукоять, коли хватить у тебя на то бодрости и храбрости». Пошелъ Булатъ-молодецъ, вырылъ на тропинкѣ яму, засѣлъ въ нее, мечъ на готовѣ держать, врага дожидается... Чуть только смеркаться стало, слышитъ онъ, какъ Змѣй Горыничъ къ рѣкѣ ползеть, словно цѣлый обозъ по дорогѣ идетъ: и шипить, и свистить, и чешуями, какъ доспѣхомъ, гремитъ. Какъ только сталъ Змѣй черезъ яму переползать — Булатъ-молодецъ увидѣлъ то мѣсто, что чешуей не покрыто и всадилъ ему въ сердце мечъ свой по самую рукоятку. Хлынула изъ Змѣя черная кровь—чуть Булата-молодца въ ямѣ не потопила. Сталъ Змѣй въ кольца свиваться, по травѣ, по кустамъ кататься, и говорить Булату-молодцу: «за меня есть кому отомстить—будетъ ли кому тебя отъ бѣды неминучей искупить?» Сказалъ и издохъ. А Булатъ въ Змѣевы палаты вернулся, Змѣевы сокровища забралъ, дѣвушку-Черनावушку къ себѣ на сѣдло посадилъ, а царевичъ—царевну, и восвоися поѣхали.

Ѣхали-ѣхали, и настигла ихъ въ пути темная ночь. Раскинули шатерь, разложили костеръ—и спать легли; одинъ Булатъ-молодецъ на часахъ стоитъ. Въ глухую полночь прилетѣли двѣнадцать голубицъ, погружились около костра, ударили крыло о крыло, и стали двѣнадцать дѣвицъ.—«Ну, Булатъ-молодецъ и Петръ-царевичъ! убили вы нашего брата, Змѣя Горынича, увезли нашу невѣстуху, Василису Киробитьевну—не будетъ и вамъ добра: какъ приѣдетъ царевичъ домой, какъ велитъ вывести свою собачку любимую, она вырвется у псарей и разорветъ ца-

ревича на мелкія части. А кто это слышитъ, да ему скажетъ—тотъ по колѣна каменный будетъ». Обернулись голубицами и улетѣли. Черезъ часъ времени прилетаютъ другія двѣнадцать голубиць, покружились около костра, ударили крыло о крыло, стали двѣнадцать дѣвиць. — «Ну, Булатъ-молодецъ и Петръ-царевичъ!» говорятъ онѣ—«убили вы нашего братца, Змѣя Горынича, увезли нашу невѣстушку, Василису Кирбитьевну, не будетъ и вамъ добра: какъ пріѣдетъ царевичъ домой, какъ велитъ къ себѣ вывести своего любимаго коня, тотъ конь у конюховъ вырвется, убьетъ царевича до смерти. А кто это слышитъ, да ему скажетъ, тотъ по-поясъ каменный будетъ!» Обернулись голубицами, и чуть только отлетѣли—прилетаютъ третьи двѣнадцать голубиць, обертываются въ двѣнадцать дѣвиць и вслухъ говорить начинаютъ: «ну, Булатъ-молодецъ и Петръ-царевичъ, убили вы нашего братца, Змѣя Горынича, увезли нашу невѣстушку, Василису Кирбитьевну—не одобровать и вамъ будетъ: какъ пріѣдетъ царевичъ домой, велитъ вывести свою любимую корову, отъ которой съизмала молочкомъ питался, и вырвется та корова у скотника, вегинетъ царевича на рога, расшибетъ его въ мелкія крохи... А кто насъ видитъ да слышитъ, да ему скажетъ—тотъ весь каменный будетъ».—Какъ онѣ это сказали, обернулись голубицами и полетѣли—а тѣмъ временемъ и ночь прошла, и свѣтатъ стало. Проснулись въ шатрѣ царевичъ съ царевною и съ дѣвушкой-Черनावушкой, и отпавились въ путь.

Вотъ только царевичъ въ свое царство пріѣхалъ, тотчасъ сыгралъ свадьбу съ Василисой Кирбитьевной, и поселились въ своихъ богатыхъ палатахъ бѣлокаменныхъ. Спу-

стя день либо два, говоритъ царевичъ женѣ своей: «хочешь, я покажу тебѣ свою любимую собаченьку? Какъ былъ я маленькій—все съ ней забавлялся». Булатъ-молодецъ услыхалъ это и сталъ у крыльца. Вывели псари собаку царевича, показываютъ—а та вырвалась отъ нихъ, прямо къ царевичу на крыльцо бросилась... Да Булатъ-молодецъ не допустилъ, махнулъ мечемъ, и разрубилъ собаку на-полю. Разгнѣвался царевичъ, да за старую службу промолчалъ, ничего не сказалъ... На другой день приказалъ царевичъ вывести на показъ своего любимого коня, и говоритъ женушкѣ милой: «вотъ, посмотри, это тотъ самый, на которомъ я съизмала кататься привыкъ». Вдругъ конь порвалъ арканъ, у конюха вырвался, и скачетъ прямо на царевича. Булатъ-молодецъ и тутъ не далъ маху: подпустилъ коня близехонько и съ размаху отрубилъ ему голову. Царевичъ пуще прежняго прогнѣвался: «ну», говоритъ, «ты, Булатъ-молодецъ, не въ свою голову играешь! Прощу еще на этотъ разъ твою дерзость неслыханную — а впередъ берегись»... На третій день, велѣлъ царевичъ къ женѣ на показъ привести свою корову любимую: «вотъ, говоритъ, посмотри, женушка милая, это та самая бурёнушка, отъ которой я съизмала молокомъ питался». И только было хотѣлъ ее изъ своихъ рукъ покормить, а корова та вырвалась у скотника, бросилась къ царевичу—хочетъ его на рога вскинуть... Не сплосалъ Булатъ-молодецъ: какъ ударить между рогъ мечемъ бурёнушку, такъ и положилъ ее на мѣстѣ. Тутъ царевичъ такъ разгнѣвался, что и говорить не могъ... Затрясся весь, кричить слугамъ, приспѣшникамъ: «возьмите этого ослушника, бросьте его въ погреба глубокіе, а по утру казните

лютой смертью». И говоритъ Булатъ-молодецъ царевичу: «погоди казнить меня, я и самъ помру! Дай мнѣ только напередъ тебѣ три рѣчи вымолвить». И разсказалъ онъ царевичу про ту ночь, когда онъ на часахъ стоялъ: разсказалъ про первыхъ голубицъ—окаменѣлъ по колѣна; разсказалъ про вторыхъ—окаменѣлъ по поясъ; разсказалъ про третьихъ—на-земь упалъ, и тотчасъ же весь каменный сталъ. Горько сталъ по немъ плакать царевичъ съ сунругою, приказалъ поднять его бережно и поставить въ особой палатѣ; и каждый день потомъ сталъ онъ съ Василисой Кирбитьевной въ ту палату ходить и все о вѣрномъ Булатѣ-молодцѣ говорить да тужить.

Такъ-то и много лѣтъ прошло. Успѣли у Петра-царевича и Василисы Кирбитьевны дѣтки — сынъ да дочка — народиться, успѣли и подрости и поумнѣть, и ходить, и говорить научиться... И крѣпко они тѣхъ дѣтокъ любили, много на нихъ утѣшались и радовались, а все же и Булата-молодца забыть не могли. Однажды сидитъ Петръ-царевичъ надъ каменнымъ Булатомъ-молодцемъ, горько плачетъ, вѣрнаго слугу воспоминаетъ, и слышитъ—изъ камня голосъ раздается: «что ты надо мною плачешь? Мнѣ и такъ тяжело!»—«Какъ мнѣ не плакать? Вѣдь я же тебя загубилъ». — «Ты загубилъ, ты и спасти можешь: есть у тебя двое дѣтей — сынъ да дочь; поди, отрѣжь у нихъ руки, помажь меня той кровью—я тотчасъ оживу». Петръ-царевичъ сказалъ объ этомъ Василисѣ Кирбитьевнѣ и пошли они, отрѣзали у спящихъ дѣтей руки по локоть, помазали Булата-каменнаго, и тотчасъ онъ ожилъ... И спрашиваетъ Булатъ у царевича и его жены: «что, небось, жалко вамъ, что дѣ-

токъ-то для меня некалѣчили!» — «Жалко, Булатъ-молодецъ!» — «Такъ ступайте же вы въ ихъ опочиваленку — посмотрите, что съ ними стало?» Пришли отецъ съ матерью, заглянули къ дѣткамъ въ кровати, и глазамъ не вѣрятъ — видятъ, что дѣтки ихъ снятъ, раскинувшись, во снѣ улыбаются, обѣими ручонками отъ мухъ отбиваются. Отецъ съ матерью такъ обрадовались, что въ первый разъ послѣ свадьбы задали пиръ на весь крещенный мѣсяцъ. Я на томъ пиру былъ — всѣ горя позабылъ; меду-пива мнѣ не достало — да на душѣ-то весело стало!

